

А.В.Шубин

У ИСТОКОВ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ 1987–1988 гг.

¹ Подробнее см.:
Шубин А.В. Истоки
Перестройки.
М., 1997. Т. 2.

Идейный плюрализм существовал в нашем обществе уже с 1960-х годов¹. Однако в условиях однопартийного режима КПСС многообразие взглядов не могло преобразоваться в политический плюрализм. Возможность возникновения открыто существующего политического спектра возникла после прекращения арестов за высказывание «альтернативных» идей. Но если уголовное преследование инакомыслящих в 1987 г. прекратилось, то система репрессивного воздействия административными методами продолжала действовать. Сохранялась монополия КПСС на власть и средства массовой информации. Даже помещения для проведения различных мероприятий представители новых политических групп получали только с согласия партийных органов. В этих условиях возникновение плюрализма могло состояться только при условии целенаправленной и небезопасной работы независимых политических активистов, которые стали выходить из подполья в 1986–1987 гг. В многочисленных публикациях пальма первенства отдается межрегиональной депутатской группе. Между тем «межрегиональ» были наследниками более раннего опыта «неформалов»².

² О «неформалах»
подробнее см.: Шу-
бин А.В. Неформалы
как фактор обще-
ственной жизни //
Полития. 1997.
№ 2(4).

Большинство неформальных идеологов осознавало, что заметного успеха они могут добиться только в союзе с родственными течениями. Поэтому с самого начала общественные клубы вели борьбу за создание (как правило, вокруг себя) коалиций и объединений.

В 1986–1987 гг. возникли четыре политических течения. Первое – общедемократическое, которое включало активистов, в прошлом придерживавшихся демократических взглядов, – от марксистов-ленинцев антисталинского толка до либералов-западников. Типичными организациями подобного рода были Клуб социальных инициатив (КСИ), Всесоюзный социально-политический клуб (ВСПК), группа «Перестройка» и вышедшая из ее недр группа «Памятник» (позднее – общество «Мемориал»). Второе течение, противостоявшее «демократам», – «патриоты». Наиболее радикальной «патриотической» организацией была «Память», которая по понятным причинам оказалась изолированной от большинства групп и не приняла участия в формировании единого политического поля. Третье течение – либералы-западники. Их радикальное крыло генетически было связано с диссидентским движением (прежде всего семинаром «Демократия и гуманизм», ядром будущей партии Демократический союз). Но диссидентская среда оставалась в этот период чужда большинству «неформалов», которые не

разделяли тактику конфронтации с властью. Более умеренное либеральное крыло представляли группа «Гражданское достоинство» и несколько позднее вышедшая из «Перестройки» группа «Перестройка-88». Четвертое течение – социалисты – состояло из двух направлений: марксистского и неонароднического. В 1987 г. наиболее известной и активной социалистической группой был московский историко-политический клуб «Община», созданный студентами, приверженцами народнических и синдикалистских идей.

Возникновение единого политического поля в России относится к августу 1987 г., когда прошло несколько конференций политических неформальных организаций, прежде всего Информационная встреча-диалог «Общественные инициативы в перестройке». На ней была образована Федерация социалистических общественных клубов (ФСОК), которая провозгласила необходимость переустройства общества на основе принципов демократического социализма. Принятая тогда же декларация – своего рода компромисс между неонародническими идеями клуба «Община» и взглядами левых марксистов (прежде всего Б.Кагарлицкого).

ФСОК стала первой всесоюзной политической организацией, существовавшей легально и оказывавшей влияние на ситуацию в стране. В конце 1987 – начале 1988 г. ФСОК вобрала в себя десятки организаций. Что же касается общедемократических и либеральных групп, то они не смогли создать единую организацию.

Первоначально неформалы занялись социальной и общественной деятельностью (господствовала своего рода «теория малых дел»: создание педагогических и дискуссионных клубов, самоуправленческие эксперименты на производстве и т.п.). Вместе с тем некоторые из них считали эту работу явно недостаточной даже в условиях пассивности масс: как и участники «освободительного движения» во второй половине XIX в., они предполагали, что можно «разбудить» народ своими действиями. Правда, методы этих действий носили иной характер из-за принципиальной приверженности неформалов ненасилию.

Тактические разногласия привели к усилению противоречий между умеренным, «конструктивным», и более радикальным, «активистским», течениями, вылившемуся в открытый конфликт при первом же «испытании на прочность». Неформальные организации Москвы были взбудоражены выступлением Б.Ельцина на пленуме ЦК КПСС 21 октября 1987 г. В Клубе социальных инициатив и в «Общине» началась бурная дискуссия о возможности и необходимости включиться в этот конфликт. Умеренное крыло настаивало на том, что поддержка опального партийного руководителя нецелесообразна по двум причинам: во-первых, неизвестна его программа, во-вторых, вызов большинству ЦК со стороны маломощных неформальных групп ничего не изменит и только разрушит уже освоенные направления работы. Радикальное крыло считало, что необходимо, ориентируясь на как можно более активное участие в политической жизни страны,

поддерживать раскольников в руководстве КПСС с тем, чтобы формирующееся гражданское движение могло действовать в союзе с партийными оппозиционерами.

В итоге сформировались две межгрупповые коалиции. Одна (Б.Кагарлицкий, А.Исаев и др.) настаивала на поддержке Ельцина, другая (В.Корсетов, А.Шубин и др.) считала, что это недопустимо. Сторонники выступления попытались добиться разрешения на легальный митинг, но неудачно. После этого в «Общине» начала обсуждаться возможность самостоятельного, не санкционированного властями выступления. Результатом споров стало компромиссное решение: провести пикет и сбор подписей. Изменились и лозунги движения. Теперь речь шла уже не о защите Ельцина, а о защите гласности: «Мы вынуждены узнавать о конфликте в руководстве нашего города и страны из передач западного радио. Когда прекратится этот «информационный апартеид»?». В итоге споров умеренных и радикалов «общинники» встали над схваткой партийных групп, что в конечном счете оказалось более радикальной и принципиальной позицией, чем исходные мотивы «фракций».

¹ В статье используются документы из архива автора.

Пикет у метро «Улица 1905 г.», на котором собирались подписи в поддержку гласности в деле Ельцина, проводили «общинник» В.Гурболков и лидер ленинградской группы «Спасение» В.Ковалев, с этого момента тесно сотрудничавший с «Общиной». Они были задержаны нарядом милиции, возглавляемым председателем Краснопресненского райисполкома. Подавление акции неформалов сопровождалось комичным эпизодом, когда высокопоставленный чиновник сорвал портрет Ельцина, а окружающие начали кричать: «Он сорвал портрет кандидата в члены Политбюро!» По-видимому, власти опасались дальнейшей эскалации конфликта и отпустили задержанных без последствий. Пикет стал одной из нескольких акций, организованных в связи с «делом Ельцина». В защиту опального лидера выступили и студенты МГУ, но это не привело к возникновению политической группы.

Первый кризис с участием неформалов охватил лишь небольшую часть политического поля. Он научил неформалов использовать конфликты в элите для активизации общественности и преодоления тактических расхождений.

В первой половине 1988 г. во ФСОК стали нарастать разногласия между «общинниками» и левыми марксистами, подогреваемые личными противоречиями. 1–2 мая состоялся съезд (слет) Федерации, который прошел под Москвой, в лесу, поскольку в столице для форума такой организации нельзя было найти помещения. Главная задача слета заключалась в том, чтобы принять программу и таким образом окончательно превратить ФСОК в реальную политическую организацию. На слет прибыло 118 делегатов из 39 организаций общей численностью свыше тысячи человек. «Общинники» и Кагарлицкий сумели согласовать программные документы, в которых заметно преобладал «общинный социализм». Программа включала и радикально сформу-

* *Община. 1988.*
№ 13. С. 5–8.

† *Там же. № 10.*
С. 2.

‡ *Там же.*

лированные общедемократические требования, в том числе отмену паспортного режима, принудительного труда и репрессивных статей УК⁴. В то же время «общинники» и левые марксисты не считали необходимым вставать в резкую оппозицию к КПСС. Их стратегия заключалась в давлении на компартию, рассчитанном на поддержку левосоциалистических сил в ней. Поэтому программные документы ФСОК получили название «Обращение к XIX партконференции» и «Возможные предложения перестройки в СССР». Однако «общинники» не скрывали, что «в виде обращения и предложений к XIX партконференции была принята радикально-социалистическая платформа перестройки»⁵.

Членам «Общины» было важно совместить свои социалистические принципы с ориентацией на создание широкого демократического блока. С этих позиций они рассматривали и программу ФСОК: «Твердо заявив свою социалистическую платформу в сфере экономики и политики, мы выдвигаем на первый план требования общедемократического характера: реальное обеспечение свободы слова и печати, свободы собраний»⁶.

Создание всесоюзной организации ставило на повестку дня переход к политическим действиям. И такая возможность вскоре представлялась, во многом будучи созданной самими неформалами.

Волну возмущения в среде демократической общественности вызвали махинации во время выборов делегатов на XIX партконференцию (КПСС все еще воспринималась как руководящая структура общества) и сообщения о прекращении расследований по делам о коррупции. Ослабевала вера в то, что «прогрессивные силы» в КПСС смогут сами добиться перемен к лучшему. Неформалы решили воспользоваться этими настроениями и «помочь» сторонникам реформ в КПСС, а заодно «выйти к народу» со своими идеями. В условиях строгой цензуры для этого подходили только уличные акции. Но в 1987 г. в Москве и ряде других городов были введены «временные правила», по существу запрещавшие не санкционированные властями митинги. Попытки манифестаций, предпринимавшиеся оппозиционными группами, пресекались милицией. Исключение составили пикеты общества «Мемориал», тематика которых была ограничена.

Весной 1988 г. неформалы пришли к выводу о необходимости организовать массовые политические манифестации, в которые будут вовлечены и люди, прежде не принадлежавшие к оппозиции. По мнению лидеров движения, копившееся в обществе недовольство торможением реформ могло оказать воздействие на политический курс.

С инициативой проведения массовой демонстрации в центре столицы выступили две группы – «Община» и «Гражданское достоинство» (либералы). Демократы требовали свободы митингов, а также критиковали порядок и результаты выборов делегатов XIX партконференции. Неформалы намеревались использовать внутрипартийные разногласия и интерес народа к «прорабам перестройки», известным благодаря до-

ступу к официальным СМИ, но не получившим мандаты делегатов партконференции.

Первая массовая демократическая демонстрация 80-х годов была тщательно подготовлена. Заранее был изучен маршрут. 28 мая участники скрытно собрались в трех местах и в условленный час вышли на площадь перед Большим театром. Здесь их «ждали» иностранные корреспонденты и милиционеры. Последние, видимо, пытались блокировать манифестацию. Но после короткого митинга колонна примерно в 200 человек в обход милиции вышла на Тверскую улицу. Власти еще не были готовы к разгону демонстрации на главной улице столицы, тем более что в Москве находился с визитом Р.Рейган. На Пушкинской площади состоялся большой для того времени митинг (около тысячи человек). Настроение собравшихся характеризует выступление одной из участниц: «Господа, мне восемнадцать лет, но за все семьдесят лет я никогда такого не видела... Давайте споем “Интернационал”!»⁷.

В «Общине» приведен отредактированный вариант: «Мне 18 лет, все эти годы я живу в СССР, и никогда такого не видела. Как хорошо, что это стало возможным...» (Община. 1988. № 11. С. 20).

Митинг стал началом серии еженедельных выступлений, известных как «Гайд-парк». Только 18 июня милиция предприняла попытку разогнать его, но люди не разошлись. Хотя регулярные митинги после этого на время прекратились, процесс принял необратимый характер. Первые массовые митинги привели в движение сотни новых активистов. Многие из них формировали собственные группы.

Демонстрация 28 мая – одно из первых событий митинговой волны, охватившей СССР летом 1988 г. Многочисленные массовые манифестации с политическими требованиями положили начало ненасильственной демократической революции, в конечном счете завершившейся падением коммунистического режима⁸.

⁸ О характере революции 1988–1993 гг. см.: Тоталитаризм в Европе в XX веке. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 489–490; Социальные трансформации в Европе XX века. М., 1998. С. 231–252.

Одновременно с митинговой кампанией началась консолидация оппозиционных групп различных направлений в широкое народно-демократическое движение. Был принят согласованный «Общественный наказ» групп социалистического и либерального направлений к XIX партконференции, в котором говорилось о необходимости «преобразовать партию из организации, управляющей “от имени народа” при помощи переродившейся касты “партократов”, в действительно политическую организацию; для этого она должна быть полностью лишена властных функций, передаваемых в Советы и органы государственного управления, что должно найти отражение в законе о партии. Статья 6 конституции должна быть соответствующим образом изменена... Вся полнота власти должна быть передана Советам... Рассматривать становление подлинного самоуправления на производстве в качестве главной стратегической задачи реформы в духе демократического социализма».

Участники совещания неформальных организаций заявили о создании организационного комитета Московского Народного Фронта (МНФ) – широкого движения сторонников перестройки. Однако в этот период единого движения демократической общественности не

возникло – оргкомитет раскололся. Проблема заключалась в том, что он формировался стихийно. Любая, даже очень небольшая группа тут же получала место. Представители таких «сверхновых» групп, возникших в ходе митинговой кампании, претендовали на руководство всем движением, что вызывало протесты со стороны «ветеранов», за которыми стояли структуры, доказавшие свою жизнеспособность («Мемориал», «Община», «Гражданское достоинство» и др.).

Причины раскола Оргкомитета МНФ противоречиво описываются в литературе. По мнению радикально-коммунистического автора А.Тарасова, «ИПК “Община” в июле 1988 г. вышла из Московского Народного Фронта (МНФ) под тем формальным предлогом, что программа МНФ “излишне социалистична”»⁹. Тарасов так толкует ход событий, чтобы подтвердить более общую идею: «Леворадикалы в тот период выступали как “группа поддержки” слева антиправительственного буржуазно-демократического движения»¹⁰. Позицию Тарасова поддержал один из участников летней эпопеи 1988 г., либерал А.Верховский¹¹. Между тем «общинники» вышли из оргкомитета не из-за «социалистичности» его программы, а из-за организационных разногласий. Автор данной статьи писал об этом по свежим следам¹². Другого мнения придерживается В.Прибыловский. Он отмечает, что после того как 2 июля группа сторонников большинства узурпировала право выступать в качестве «Координационного совета Народного фронта» из оргкомитета вышли «Община», «Гражданское достоинство» и еще четыре группы (в том числе две социалистические). Оргкомитет покинули также «Мемориал» и активисты «Демократической перестройки»¹³.

Вопрос о расколе оргкомитета МНФ принципиально важен для понимания процесса формирования современной российской политической культуры. События весны-лета 1988 г. – это первый опыт публичной политики, которая моделировала парламентскую культуру и создавала традиции самоорганизации гражданского общества. В этих событиях приняли активное участие будущие известные политики В.Игрунов, С.Станкевич, О.Румянцев и др.

Такие группы, как «Община», «Мемориал» и «Гражданское достоинство», боролись за создание общедемократического фронта в противовес КПСС. Одновременно социалисты из «Общины» считали необходимым и укрепление организации, выступающей за антиавторитарный социализм (в тот момент – ФСОК). При этом идейно «общинные социалисты» были далеки и от либералов, и от марксистов, выступая как против капитализма, так и против тоталитаризма.

Важное значение для большинства лидеров того времени имел исторический опыт. «Общинники» сравнивали ситуацию с судьбой «попутчиков» большевиков, которых объединяли с партией В.Ленина лозунги, а не базовые идейные и организационные принципы. Организационный централизм, основанный на «захватном праве», претил «общинникам» даже тогда, когда он оправдывался социалистически-

⁹ Тарасов А. Леворадикалы // *Левые в России: от умеренных до экстремистов*. М., 1997. С. 19. Автор очерка «Леворадикалы» знает историю этих событий весьма приблизительно и поэтому перепутал оргкомитет МНФ с собственно МНФ, тогда еще не существовавшим.

¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹ *Общественные самодельные движения: проблемы и перспективы*. М., 1990. С. 272.

¹² Там же. С. 272.

¹³ Прибыловский В. *Словарь новых политических партий и организаций России*. М., 1992. С. 155.

ми лозунгами. Это развело их с группой Кагарлицкого, но и не сблизило с либералами. Сохранив добрые отношения с «Гражданским достоинством», «общинники» не стали создавать с ними совместную организацию. Последним крупным совместным проектом с либералами стало издание первой массовой неофициальной газеты «Независимый вестник», вышедшей в декабре 1988 г. беспрецедентным для того времени тиражом в 5 тыс. экземпляров. Опробовав на нем переход от штучного самиздата к свободной прессе, «общинники» начали выпускать многотысячные тиражи собственного журнала «Община». Раскол Оргкомитета МНФ вскоре привел и к развалу ФСОК. «Общинники» создали всесоюзную организацию – Альянс социалистов-федералистов.

Выход на социально-политическую арену неформальных антиавторитарных групп в 1988 г. имел важные последствия. Именно неформалы сумели ввести в российскую практику методы ненасильственной массовой политической борьбы (многотысячные митинги, демонстрации, массовый самиздат и др.) и затем обучили ей официальных «либералов». Тысячи людей приходили на их митинги, несмотря на опасность преследований, чтобы услышать свободное слово, продемонстрировать властям «силу народа». Массовый самиздат начал разрушать фундаментальные мифы, на которых держался режим и его реформы. Чтобы не потерять инициативу, «большая пресса» вынуждена была обращаться к темам, выдвигаемым новыми независимыми изданиями, что ускорило антикоммунистический сдвиг в массовом сознании.

Кагарлицкий с полным основанием мог заявить: «Мне кажется, что налицо уже не только плюрализм мнений, но и реальный политический плюрализм. Мы наблюдаем правовое становление спектра неформальных объединений, образование новых течений»¹⁴. И дело было не столько в правовом становлении (внешней легализации), сколько во внутреннем осознании неформалами важности независимого (от власти и от общественного мнения) идейного творчества. Что касается более позднего демократического движения, то в его недрах вступил в силу диктат «общественного мнения», принятых «своими» обязательных идеологических стереотипов. В этом отношении именно ситуация 1988 г. положила начало становлению многопартийной политической культуры России с ее расколами и диалогом, формальными и принципиальными разногласиями, поиском единомышленников, союзников и стратегии выхода из социального кризиса.

Бесспорно, в сопоставлении с мощью КПСС неформалы были малочисленны и слабосильны. Но соотношении сил будет выглядеть иначе, если иметь в виду, что КПСС представляла собой огромный аппарат, в руководстве которого действовали несколько относительно небольших групп, боровшихся за тот или иной путь развития. Каждая из них искала поддержку в обществе. На фоне пассивности партийно-

¹⁴ *От политического монизма – к реальному плюрализму // Неформалы. Социальные инициативы. М., 1990. С. 57–58.*

го большинства и пока безмолвствующего народа активные группы нуждались друг в друге. Любой творческий акт на социальном поле был козырем во внутрипартийной борьбе. Таким образом, партийные группировки использовали неформалов и национальные движения в своих интересах. Но и неформалы использовали партийные группы, расширяя собственные возможности и уклоняясь от ударов бюрократической машины. Последняя традиционно стремилась к уничтожению чужеродных общественных групп, подрывавших ее монополию на легальную политику. Но репрессивные возможности бюрократических кланов были ограничены. Планка, при пересечении которой следовали санкции, поднялась, и неформалы, пользуясь противоречиями между группировками и международной обстановкой, продолжали давить на эту планку, расширяя «пространство свободы».

Мир неформальных организаций 1986–1989 гг. представлял собой своего рода модель демократического общества, в котором участники «играли в большую политику», растрачивая энергию на борьбу за места в «координационных органах», отстаивая каждый пункт политических программ с таким жаром, будто работали над проектами судьбоносных законов. Но страсти «игрушечной политики» неформалов имели большое значение. То был беспрецедентный «тренинг», когда сотни будущих политических лидеров, журналистов, общественных активистов за несколько лет освоили политическую культуру обществ с давними политическими традициями. Вскоре неформалы научились выводить на улицы массы людей, а их издания превратили «гласность» в свободу слова.